

ББК 83.3
УДК 8.82.02/.09

Е. В. Никольский¹,
Варшавский университет
eugenius-08@yandex.com

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРАЗА ВЕЧНОГО ЖИДА В ТВОРЧЕСТВЕ ВИЛЬГЕЛЬМА КЮХЕЛЬБЕКЕРА СИБИРСКОГО ПЕРИОДА

В статье проанализирована малоизвестная поэма Вильгельма Кюхельбекера «Агасвер»; отмечается, что для Кюхельбекера в целом был характерен подход к народному мировосприятию как мировосприятию прежде всего христианскому, православному, для которого очень значимы идеи смирения и покаяния. Это ярко проявилось в его опытах по созданию больших проблемных произведений, насыщенных философским содержанием. Можно сказать, что все творчество Кюхельбекера 1830–1840-х гг. проникнуто в той или иной мере религиозным мироощущением.

Ключевые слова: романтизм, апокрифы, философская поэзия, библейские мотивы, вечный жид, интертекстуальность, мотивы покаяния, образ Христа, богоборчество

Романтическое движение зародилось в Западной Европе в конце XVIII – начале XIX в. Это движение выступало за пересмотр сложившихся стереотипов рационалистического XVIII века. Вопрос о соотношении как романтизма в целом, так и его отдельных направлений и разновидностей с христианской верой, евангельским миропониманием является одним из актуальных в современной филологической науке. Поэтому с некоторой долей условности в русском романтизме можно выделить два течения: романтизм ранних декабристов, «богоборческий», и элегический, «религиозный» романтизм. Последнее течение является результатом творческой переработки традиционных принципов общеевропейского течения русскими писателями, носителями православной культуры. Показательным в этом смысле является творчество И. И. Козлова,

¹ Евгений Владимирович Никольский, доктор филологических наук, магистр богословия, адъюнкт по кафедре истории русской литературы Института русистики, Варшавский университет, г. Варшава, Польша

одного из важнейших русских романтических поэтов. Его поэма Козлова «Чернец» (1825) – «самостоятельное проникновение в байроновскую стихию», «своеобразное сочетание байронизма с религиозной мечтательностью школы Жуковского» [5, 232].

Поэма была популярнейшей и имела огромное влияние на современников. Исследователи западноевропейской литературы давно отметили высокий интерес поэтов эпохи романтизма к христианской легенде. Увлеченность странным, страшным, необычным соединялась у европейских романтиков с интересом к средневековому прошлому в его христианском варианте. Творчество русских романтиков в этом отношении мало изучено. А ведь именно в подобных произведениях ярче всего проявляются особенности русского романтизма в сравнении с европейским. Русские романтики увидели в обращении к христианской легенде прежде всего путь слияния романтического и христианского, попытку «исправления» байронического героя [4, 291]. Одним из самых популярных преданий, положенных в основу сюжета романтических поэм, стала легенда об Агасфере (в традиционной терминологии – Вечном Жиде). Он – герой многочисленных сказаний, возникших в средние века, еврей-скиталец, осужденный Богом на вечное существование за то, что не дал Христу, изнемогавшему под тяжестью креста, отдохнуть на пути к месту распятия.

Агасфер – стилизованное библейское имя, произвольно заимствовано из ветхозаветной легенды об Эсфири (где передаётся имя персидского царя Ксеркса); в более ранних версиях легенды встречаются и другие имена – Эспера-Диос («надейся на бога»), Бутадеус («ударивший бога»), Картафил. Согласно легенде, Агасфер оскорбительно отказал в кратком отдыхе и безжалостно велел идти дальше Иисусу Христу во время его страдальческого пути на Голгофу под бременем креста; за это ему самому (Агасферу) отказано было в покое могилы, он был обречён из века в век безостановочно скитаться, дожидаясь второго пришествия Христа, в его только власти было снять с него зарок. На возникновение легенды оказали влияние религиозно-мифологические представления о том, что некоторые люди являют собой исключение, не подчиняясь общим законам человеческой смертности, и ждут эсхатологической развязки (согласно Библии, таковы Енох и Илия), такая судьба должна постигнуть некоторых очевидцев первого пришествия Иисуса Христа (ср. Матф. 16, 28); в легенде можно увидеть и реминисценцию ветхозаветного мотива проклятия Каину, которого Яхве обрекает на скитания, но запрещает лишать его жизни (Быт. 4, 10–15). В легенде отразились и некоторые аспекты отношения средневековых христиан

к евреям: в них видели людей, не имевших родины и обречённых на скитания, но «чудом» сохранявших этническую и религиозную самобытность, легенда воспринималась и как живая реликвия «священной истории» Ветхого и Нового заветов, история убийц Христа и осквернителей «завета с богом», но в эсхатологическом будущем – примиряющихся с богом через обращение к Христу наследников древнего обетования (так понимали во взаимосвязи Захар. 12, 10, Ос. 1, 7, Малах. 4, 5, Матф. 17, 10 и Рим. 11). Важные моменты, отражающиеся в легенде об Агасфере: это враг Христа, но в то же время свидетель событий жизни Христа; это грешник, поражённый таинственным проклятием и пугающий одним своим видом как привидение и дурное знамение (ср. более позднее предание о Летучем голландце), но через само проклятие соотнесённый с Христом, с которым непременно должен встретиться ещё в «этом мире», а в покаянии и обращении способный превратиться в доброе знамение для всего мира. Структурный принцип легенды – двойной парадокс, когда тёмное и светлое дважды меняются местами: бессмертие, желанная цель человеческих усилий (ср. этот мотив в эпосе о Гильгамеше) в данном случае оборачивается проклятием, а проклятие – милостью (шансом искупления).

В фольклорной традиции Агасфер оказывался в отношениях взаимозаменяемости с другими фигурами скитальцев (Дикий охотник и др.) и вообще существами, с которыми возможна неожиданная и странная встреча (напр., Рюбецаль, горный дух средневековых легенд); как и они, он выступает (по самой структуре мотива) то жутким и опасным, то готовым на помощь и добрым.

Окончательно легенда сложилась в эпоху крестовых походов, паломничества в Палестину, гонений на евреев. Так, астролог-итальянец Гвидо Бонатти приводит один из первых европейских вариантов легенды об Агасфере («Астрономический трактат», изд. 1491). Провансальские и итальянские легенды XV в. повествовали о бессмертном еврее, скитавшемся по городам Италии. Мудрый еврей давал простым людям советы. Властители безуспешно пытались его казнить. В немецкой народной книге 1602 года иудей Агасфер – ремесленник, наказанный Богом вечными скитаниями. Таинственный образ Агасфера вдохновлял многих писателей. Ему посвящали стихи (немецкие поэты-романтики Шубарт («Вечный жид», 1783), и Ленау («Вечный жид», 1833), философские драмы (франц. писатель Э. Кине – «Агасфер», 1833). О замысле поэмы на эту тему писал Гете в эпоху «Бури и натиска»; Эжен Сю описал похождения Агасфера в форме авантюрного романа-сатиры против иезуитов («Странствующий жид», 1844).

В России литературные обработки сюжета об Агасфере также достаточно многочисленны. Опубликованные в России (между 1803 и 1814 годами) части огромного романа польского писателя, графа Яна Потоцкого «Рукопись, найденная в Сарагосе» содержат пространный рассказ Вечного жида о своих странствиях. Вероятно, эти отрывки и явились толчком для замысла большинства русских поэм об Агасфере. Известно, что «в 1821 году Батюшков уничтожил среди многих своих неизвестных сочинений нечто (предположительно, поэму) под названием «Вечный жид» [3, 388]. Другие, дошедшие до нас обработки сюжета представлены в творчестве Кюхельбекера, Жуковского, Губера, а также Пушкина и Бернета. Интерес наших поэтов к этой средневековой легенде обусловлен характером самой легенды, сочетающей множество интересных романтических мотивов (мотив странничества, одиночества и др.).

В данной статье мы детально рассмотрим интерпретацию предания о Вечном Жиде в творчестве Вильгельма Карловича Кюхельбекера (1797–1846) – одного из самых ярких поэтов-консерваторов, теоретиков архаизма в литературе.

Кратко вспомним основные этапы биографии, чтобы на их фоне проанализировать его интерпретации ставшего почти архетипическим образа Вечного Жида. Семья была небогатой, но обладала и полезными связями, и влиятельными родственниками. Отец, очень образованный человек, учился в Лейпциге в одно время с Гете и Радищевым. Он обладал обширными знаниями в области агрономии, экономики и юридических наук. Влиятельные родственники помогли ему занять должность при дворе (стать секретарем великого князя Павла Петровича). Позже он был назначен директором Павловска. Мать Вильгельма также была при дворе. Она была няней младшего сына императора Михаила Павловича. Павел I отдал отцу Кюхельбекера в пожизненное владение имение. Именно в нем, в Авинорме, провел детство Вильгельм Кюхельбекер.

Как известно, в 1811 г. Кюхельбекер по рекомендации дальнего родственника Барклая-де-Толли поступил в Царскосельский лицей, где сблизился с Пушкиным и Дельвигом. В 1825 он оказался одним из самых активных участников восстания декабристов (буквально перед самым восстанием он был принят Рылеевым в Северное общество). Он стрелял в Великого Князя Михаила Павловича и в генерала Воинова, но в обоих случаях его пистолет дал осечку. По окончании восстания Кюхельбекер бежал, был схвачен 19 января 1826 г. в Варшаве – почти на месяц и две недели позже остальных. Приговором суда он был причислен к первому разряду виновных;

наказанием ему назначалась смертная казнь. По ходатайству Великого Князя Михаила Павловича, казнь была заменена двадцатью годами каторги и пожизненным поселением в Сибири, из которых пятнадцать лет Кюхельбекер должен был провести в одиночном заключении; позднее этот срок был сокращен до 10 лет. Умер Вильгельм Карлович Кюхельбекер 11 августа 1846 г. в г. Тобольске. Все свидетельства современников (порой самые противоречивые) сходятся в одном: Кюхельбекер – темпераментный, нервный, легко возбудимый человек. Он неудержимо вовлекался в самую гущу событий. Эти свойства души Кюхельбекера проявляются и в дневниковых записях, и в его переписке, но самым ярким, роковым проявлением его восторженности стало участие в событиях декабря 1825 года.

Кюхельбекер, как и множество его единомышленников, в возможной революции видел возможность служения своей родине, своему народу. Основная масса декабристов – это дети просвещенных дворян, тех, которые не стремились дать детям глубокое, устойчивое традиционное образования. Следуя модному тогда веянию, они воспитывали своих детей на памятниках античной литературы. Их дети «учились не у жизни, а у Плутарха». В юные восприимчивые души вкладывалось представление об античных добродетелях: стоицизме, независимости, героическом чувстве собственного достоинства; примером для подражания доля них стал античный герой, одержимый желанием послужить государству. Рядом с поэтичностью, идеалистичностью в этой системе ценностей оказывалась гордость. С трагического дня 14 декабря 1825 г. биографию Кюхельбекера можно было бы сопроводить эпитафией «Преступление и наказание». Расплата за преступление была длиной в жизнь. И это не было лишь внешним наказанием в форме тюремного заключения. Во всем последующем творчестве Кюхельбекера сквозят покаянные мотивы, рассуждения о величии Творца, о роли Его Промысла.

Поэма «Агасвер» [7] была написана Кюхельбекером после его участия в восстании. Литературная деятельность была главным и едва ли не единственным занятием Кюхельбекера в заточении. Приступы отчаяния сменялись периодами плодотворной писательской деятельности, творческого вдохновения. В начале 1830-х годов Кюхельбекер работает над «Русским Декамероном». По мысли автора, это произведение должно было (продолжая традицию Бокаччо) состоять из прозаически обрамленных поэтических текстов, причем в прозе Кюхельбекера хотел изложить свои теоретические воззрения, в поэзии же – воплотить их в художественном творчестве. Такая форма позволяла развернуть перед читателем грандиозные картины

основных этапов развития культуры. Первая часть – поэма «Зоровавель», не без влияния Грибоедова, построена на мотивах Священного Писания, в частности, в ней речь шла о том, как вернувшиеся из Вавилонского плена иудеи во главе с князем из рода Давида Зоровавелем воссоздадут Иерусалимский храм. Вторая, «Семь спящих отроков», повествует о времени крестовых походов, когда все народы – испанцы, немцы, итальянцы, галлы, норманны, славяне – были объединены для единой цели. Замысел третьей части так и не был осуществлен: в ней Кюхельбекер предполагал соединить библейские мотивы с традициями Шекспира, зато четвертая, поэма «Агасвер», настолько расширила смысловые границы в процессе создания, что Кюхельбекер отказался от мысли сделать ее очередной «Деклогой», пусть и заключительной. Поэма сама по себе становилась достойной назваться цельным художественным произведением; завершенная на закате жизни Кюхельбекера поэма была ему дороже всех прежних творений, ведь в ней явственно прослеживается история его души.

Весной 1832 г. в дневнике Кюхельбекер упоминал о начале работе над поэмой «Вечный Иудей», но в заметке от 13 мая того же года читаем: «Этого году я много начал, а ничего не кончил: «Вечного жида» придется также оставить; я не в духе сочинять». [8, 126] К своему замыслу возвратился только в 1834 г. 16 мая 1834 он написал: «...во мне живо пробудилась мысль о «вечном жиде». Я его было, уже начал в 1832 г. формою эпическою, но ныне он ожил для меня в одежде драматической мистерии». И на следующий день, 17 мая: «Примечательный день <...> вынул я из чемодана своего «Агасвера», прочел его, и мысли, как продолжать, стали толпиться в голове моей; если удастся, «вечный жид» мой будет чуть ли не лучшим моим сочинением» [8, 130]. Так или иначе, в 1834 г. Кюхельбекер не закончил свою поэму. Последняя точка в ней была поставлена в 1846 г., в год его смерти. Опубликована поэма была в 1878 г. в журнале «Русская старина».

«Агасверу» суждено было стать исповедью Вильгельма Кюхельбекера. В самом деле, здесь поэт отождествлял свою судьбу с судьбой того или иного из действующих лиц. Своеобразие данной поэмы в чрезвычайно сильном автобиографическом акценте: странствия Жида – аллегорическое изображение жизни Кюхельбекера и современного ему общества. В кратком предисловии к своему сочинению Кюхельбекер писал: «Агасфер путешествует из века в век, как байронов Чайльд Гарольд» [9, 74] Тем самым автор сам подчеркивал, что является преемником и продолжателем романтической традиции опального английского лорда.

Развитие сюжета происходит на фоне событий мировой истории, интерес к которой также был одной из черт романтического мышления. Формально поэма состоит из пяти частей и заключения; в каждой из частей отображается конкретная историческая эпоха: первая вводная часть – события до момента Распятия Христа, вторая – осада Сиона, в ней на сцену выводится пророк, трижды возглашающий на обломках Иерусалима: «Увы народу, граду и святыне!» Третья часть – время правления римского императора Траяна, четвертая – Средневековье, пятая часть повествует о Лютере и о Великой французской революции.

Поэма открывается описанием природы: над Иудеей бушует гром. И тут же автор вводит в повествование главного героя, Агасвера, состояние внутреннего мира которого созвучно стихии:

С какой-то томной радостью слух
Печального вливает речи грома:
Из персей рвется жизнь его, влекома
Призывом их...[6].

Необходимо обратить внимание, что в начале поэмы Кюхельбекер объясняет, каким образом стало возможным настроить против Христа пораженных чудом воскрешения Лазаря простых иудеев. Иудеи возлагали на Христа надежду, что Он, воцарившись, избавит их от Римского владычества, от необходимости платить налоги, вернет избранному народу былое могущество.

Но, уз инога плена Разрешитель,
Христос остался тем же, чем и был;
Не грозный вождь, не дерзостный воитель,
Пред коим в страхе обращают тыл
Полки врагов, – нет, скорбных Утешитель,
Бессмертных истин кроткий Возвеститель,
Недужных Друг и Врач больных сердец [6].

Сразу заметим, что у братьев Кюхельбекера по перу, пишущих о Вечном жиде, указаны иные причины его ненависти ко Христу. Здесь Агасфер – «бунтарь, погруженный в мирские дела и политическую борьбу» [2, 203]. Но чаяния Агасвера не оправдываются:

Нет, и не мыслит возвратить свободу
Спаситель всех Адамовых сынов
Не терпящему *временных* оков,
Но к *вечным* равнодушному народу!» [6].

За этими строками легко прочитывается параллель, проведенная Кюхельбекером между народом иудейским и декабристами: четверостишие как будто бы обращено напрямую к участникам декабрьского восстания. Потеряв всякую надежду на избавление, Агасвер ожесточается, любовь и доверие, которые он сначала испытывал к милосердному Чудотворцу, сменяются ненавистью и озлоблением:

Но, лютым беснованьем обуян,
«Безумца, – тот лепечет, – ненавижу!
Он мог – но разгадать он не умел
Сердце народа... Смерть и поношенье
Да будет вечно всякому в удел,
Кто нас введет в бесплодное прельщенье!» [6].

Эти стихи напоминают настроения декабристов, которые были обнадежены «дней Александровых прекрасным началом», но, разочаровавшись, озлобились. Следующее далее описание Агасвера выполнено в байронической традиции:

И вот, угрюм и гневен и уныл,
Лишась надежды суетной и лживой,
Христа покинул Агасвер кичливый. [6].

Также и в разговоре с другом, клеветом Нафаном, рассказывающим о взятии Христа под стражу, Агасвер – «мрачный и суровый; / Его уста язвительно молчат;/ Он, мнится, мразом мертвенным объят». В следующих строках Агасвер принимает даже inferнальные черты: услышав от Нафана, что Христу вынесен смертный приговор, Агасвер:

...вспрянул, бледен, мрачен, дик,
И вот издал, трясая, зверский крик
(В том крике хохот, визг, и стон, и скрежет,
И, словно вопль казнимых, душу режет).
Потом подходит к другу своему
И смотрит на него, как житель ада,
И, с смехом повторяет: «Смерть ему,
И да не явится ему пощада» [6].

И вот грех совершен. Агасвер отталкивает от своего порога ведомого на казнь Христа. Начались мучительные, долгие годы «вечной» жизни иудея. Грех мгновенен – расплата за него продолжается всю жизнь: вспоминается и история грехопадения первых людей, и грех Каина; столь же четкой границей между блаженным существованием и бесконечным мучительным наказанием был грех Кюхельбекера.

Но сердце Агасвера дух-губитель
Окаменил в ужасный оный час [6].

Во второй части, описывающей гибель Иерусалима, Агасвер появляется «некой мощной думой отуманен»: он уже понял, какое ждет его наказание. Он беседует с юношей, который боится скорой смерти, должной постигнуть его и большую часть иудеев. В этом разговоре Агасвер произносит формулу, определяющую суть постигшего его бедствия:

...Тот блажен,
Кто умирает, – рек пришелец, – все вы
Умрете, счастливые дети Евы;
А тот, кто не умрет, увя ему! [6].

В начале третьей части с Агасвером беседует Некто (позже разъясняется, что это дьявол): «к земному сын земли / Стремится должен». Заметим, что веры в Бога Агасвер не теряет, но это Бог Ветхого Завета, Бог иудейский, который радуется о доле израильского народа. Агасвер уже хорошо знаком с учением Христа, иногда он даже начинает сомневаться, так ли правы были распинавшие Христа, не был ли Он в самом деле Мессией. Однако сердце Агасвера окаменело: «Но где гордыня, там не созревает вера, / Надменных чуждо Божество». После разговора Агасвера с дьяволом Кюхельбекер помещает лирическое отступление с обличительным пафосом, обращенное к современникам:

Но кончу исповедь свою.
За Фауста я себя не выдаю,
А попался мне, и видимо, лукавый;
Не окружен, конечно, адской славой,
Не гадкая та харя, с коей нас
Знакомят сказки, Дант и Тасс, –
В пристойном виде, для стихов негодном,
То в рясе, то во фраке модном,
То в эполетах (в наш любезный век
И он премилый человек!).
Я узнавал не по наряду,
Не по улыбке, не по взгляду, –
По языку я узнавал его;
Его холодный, благозвучный лепет
Рвал струны сердца моего;
Я ужас ощущал, и обморок, и трепет,
А он учтиво продолжал:
«Итак, я, кажется, вам доказал:
Бог, красота, добро, бессмертье – предрассудок,
И глупость, стало быть, единственный порок,
Вселенной правит случай или рок,
Людьми же – похоть и желудок» [6].

Автор узнает демона «по языку»: «Обращаясь вслед за многими романтиками к «демонической теме», он как основной признак своего Демона характеризует его речь» [10, 179]. Далее в 3-й части следует стихотворное переложении жития святой мученицы Зои. В преддверии мученической кончины она смело исповедует свою веру, воодушевляя на подвиг во имя Христа и своего жениха, языческого жреца Аминта. Агасвер присутствует при этой сцене:

Стоял же у подножья трибунала
Во все то время мрачный иудей,
И, будто в темной глубине зеркала,
Пред взорами души его всплывала
Картина прежних дней.
Ему знакомый образ отражала,
Священный, дивный, юная чета:
Пред ним воскрес Христос в них, избранных Христа [6].

Но Агасвер еще далек от покаяния. Четвертая часть, описание глумление черни над императором Генрихом, униженным папой Григорием VII, содержит отрывок, легко применимый к ситуации, которая сложилась бы в результате успеха кровавого предприятия декабристов. Впоследствии это предположение подтвердилось в нашей истории:

А кругом дворца толпа,
И жестока и тупа,
Зверь свирепый, зрелищ жадный,
Смотрит, будто камень хладный,
На безмерный срам того,
Чьих бы взоров трепетали,
Чей бы след они лобзали
В день величия его [6].

В этой части Странствующий Жид вновь появляется в своем романтическом обличье, которое здесь усиливается мотивом одиночества:

И чуждый толпы и в толпе одинок,
На кесаря, папу и волны народа,
Как белый кумир, недвижим и высок
(В нем точно ли брэнная наша природа?),
Стремит кто-то с башни таинственный взор,
Пылающий, словно ночной метеор... [6].
К пятой части лютеранин Кюхельбекер должен был подойти с особенным трепетом и воодушевлением.

Насмешник пагубный и едкий,
Философ, филолог и диалектик редкий,
Сам кардинал вступил с суровым немцем в спор,
А кроме вечного Божественного Слова
Не знает Лютер ровно ничего;
Всех знаний и всех чувств и мыслей всех основа –
Единое оно наука для него [6].

Но с Божией помощью отважному проповеднику удается одержать верх над противниками. Заступничество царя спасает его и от насильственной смерти, и Лютеру вновь дарована возможность тайно проповедовать.

Ты защитишь меня от кровопийц свирепых:
К числу ли сказок отнести нелепых
И честь и честность царскую? Есть царь
И над царями».
Царь не посягает своей чести, сохраняет жизнь Лютера.
Что ж жид пред мужем веры, мужем сил
Почувствовал? «Фанатик! Много их, –
Он молвил, – в стаде Иисуса!
Жаль не сожгли Его, как Иоанна Гуса!»
Но нечестивец вдруг притих:
Ему явился ряд таких воспоминаний,
Которые излили ток страданий
В окаменелую от долгой муки грудь, –
И Агасвер был принужден вздохнуть [6].

Здесь мы видим, что душе Агасвера уже начался романтический разлад. В следующих строках Кюхельбекер показывает крушение самого престола французских королей. В этой последней повествовательной части мысли о разрушительных, страшных плодах революции появляются вновь – с удвоенной силой. Эти слова поистине звучат пророчески:

Все рушилось; все пало, церкви нет;
Престол вдруг рухнул в зев бездонный;
Глухая ночь, померк последний свет;
Король казнен. Народ кровавый, полусонный,
Жертв требует еще, но жертв почти уж нет.
Свирепствует Карье. Несчастный Нант трепещет.
Палач от казни изнемог;
Тут изверг гильотиной пренебрег:
Картечь в священников, в аристократов мечет [6].

Разлад во внутреннем мире героя продолжается. Рука Промысла через все внешние события ведет его к покаянию:

Но насылает Бог неистовые бури
Для очищения померкнувшей лазури;
И чудным образом, средь гроз, и зол, и бед,
Дух просыпается, и вот находит след,
Находит верную, надежную дорогу
Обратно к своему Отцу и Богу [6].

Ту же самую тенденцию мы видим в описании реакции Агасвера на молитву у нем католического священника, которого ведут на смерть:

«Sancta simplicitas, – подумал соблазнитель. –
Вот молится, чтоб Вечный Жид
Покаялся!» Но вместе тайный стыд
Почувствовал и отошел смущенный [6].

Заключительная глава открывается отрывком, подводящим итог странствованиям Агасвера. Здесь акцент делается на романтическом мотиве странствования, проходящем через все произведение:

Вот так-то Агасвер
Переplывал моря и реки;
Прошел все земли, все страны и веки
И видел колыбель и гроб племен и вер,
Рождение и кончину мнений.
Он длинную прошел кончину поколений [6].

Еще один определяющий романтический мотив в заключительной части – мотив одиночества. Здесь мы видим одинокого Агасвера, неистово рыдающего на могиле последнего человека, своего заклятого врага.

И сидит, один и страшен
Он, единый властелин
Мира трупов и личин [6].

Бессмертие Агасвера – намек на долгие годы ссылки Кюхельбекера. Многие страницы поэмы содержат переложенные на стихи христианские предания и сам текст Нового Завета. Это следующие эпизоды:

1. Исповедничество Зои:
И ведай, Он о лицемере рек:
«Кто, раб тщеславья или мзды и страха,
Здесь отречется пред сынами праха,
Пред смертными отвергнется Меня,
Того и Я за вашим миром тесным
В том мире пред Отцом Моим Небесным
Отвергнусь»... [6].

2. Обличение папы Григория VII:
Раздумай все, что повелел
Тот, чьим зовешься ты слугою,
Что нарушал ты, горд и смел,
Что перед чернию слепою
Неправдой наглой искажал...
«Да будешь кроток, тих и мал!
Благословеньем за проклятья,
Любовью за вражду плати (Мф.5:44), (Лк.6:27–28).
Господь – Отец ваш, все вы братья.
От Бога власти – власти чти;
И, если даже кто в ланиту
Тебя ударит, – ты в защиту
И тут руки не поднимай,
Ему другую подставляй...» (Мф.5:39), (Лк.6:29) [6].
«Все ж я проникнут упованьем:
Христос отвергнет ли меня?
Не пал же в алчный зев огня,
Живым раскаяньем объятый,
И тот разбойник, с Ним распятый,
Которого в последний час
Христос, мой Бог, простил и спас!» (Лк.23:39–43) [6].
3. Речь Лютера.
Без Бога не падет малейшая из птиц,
Без Бога (с нами Бог!) не сгинет мой и волос! (Лк. 21:18)
Зовет меня мой Бог, я Божий слышу голос! [6].

Таким образом, перед нами типичная романтическая поэма с соответствующей тематикой и проблематикой, в основу которой положен сюжет, благоприятный для создания именно такой поэмы. Кюхельбекер изображает боль, уныние, полное бессилие в высшем их проявлении. «Ад одиночества, ад однозвучный» едва не лишает Агасвера рассудка, но тут к страдальцу приступает Христос, «Распятый велением Пилата». Тогда только Агасвер смиряется перед Ним, и только тогда, в Его объятиях, Агасвер ощущает отдохновение. Христос пришел.

Для Кюхельбекера в целом был характерен подход к народному мировосприятию как мировосприятию прежде всею христианскому, православному, для которого очень значимы идеи смирения и покаяния. Это ярко проявилось в его опытах по созданию больших проблемных произведений, насыщенных философским содержанием. Можно сказать, что все творчество Кюхельбекера 1830–1840-х гг. проникнуто в той или иной мере религиозным мироощущением.

В отличие от Бестужева или Одоевского, Кюхельбекер был изолирован и от друзей декабристов, и от внешнего мира, проведя в одиночном заключении десять лет. Его творчество питалось в основном чтением книг и журналов, разными путями попадавших к узнику. Большинство его поэм написано на историческом материале. Часть их воплощает историю религии: библейские мифы, легенды о первых христианах, евангельские предания («Давид», «Зоровавель», «Семь спящих отроков», «Агасвер»). Эти произведения отражают как религиозные устремления Кюхельбекера, так и его общефилософские интересы, его трактовку исторического процесса. Больше всего сказанное относится к анализируемой нами поэме «Агасвер» («Вечный жид»).

В основу поэмы положено предание об иерусалимском сапожнике Агасвере, оттолкнувшем Христа, который по дороге на Голгофу остановился передохнуть у порога его дома. За это Агасвер был наказан вечным скитанием по земле. Такой сюжет позволил Кюхельбекеру изобразить различные моменты мировой истории от времен Христа до XIX в. Поэма состоит из семи отдельных отрывков, каждый из которых посвящен драматическим событиям истории, так или иначе связанным с противоборством между последователями Христа и его противниками. В основе ее – почти августиновское (если вспомнить трактат Блаженного Августина «О граде Божием») противопоставление двух отношений к миру, два понятия об истине и смысле жизни.

В первом «отрывке» Агасвер, бунтарь, погруженный в мирские дела и политическую борьбу, мечтает об освобождении Иудеи из-под владычества римлян. Он идет за Христом с надеждой, что тот осуществит это освобождение. Христос же посвятил себя вечному. Социальное угнетение, национальные проблемы не волнуют его:

Нет, и не мыслит возвратить свободу
Спаситель всех Адамовых сынов
Не терпящему временных оков,
Но к вечным равнодушному народу! [6].

Убедившись в этом, Агасвер покидает Христа и становится его врагом. Эта дилемма: мирское – небесное, временное – вечное, – рассматривается во всех последующих отрывках на различном историческом материале. Духовное превосходство последователей чистой веры, пусть даже преследуемых и гонимых, везде подчеркивается Кюхельбекером. Вместе с тем поэма содержит и социальные мотивировки целого ряда исторических событий, показывает закономерность их возникновения. Представив первый этап Французской революции как широкое движение народных масс, Кюхельбекер делает вывод, что якобинский террор стал гибелью

идеалов революции. Якобинцы показаны им как душители свободы, жестокие лицемеры, меньше всего на деле обеспокоенные действительным положением народа. И наоборот, католические священники, бывшие до революции оплотом несправедливой власти, через страдания и гибель искупают свои грехи и погибают за веру, духовно преображенные. Тема искупления грехов страданием вообще характерна для последекабрьского творчества Кюхельбекера и встречается в ряде его произведений.

Известно, что время заключения было в творчестве Кюхельбекера наиболее плодотворным. Он писал во всех жанрах: лирические стихи, поэмы, драмы, художественная проза и литературная критика. Произведения на религиозные темы занимают в творчестве этого периода большое место. Это и поэмы на библейские сюжеты («Давид», «Семь спящих отроков»), и лирические стихотворения, написанные в форме непосредственных обращений к Богу или связанные с церковными праздниками. Религиозное чувство в той или иной степени пронизывает все творчество Кюхельбекера тюремного периода, хотя чувство это отнюдь не становится ортодоксально церковным.

Будучи лютеранином по своему вероисповеданию, Кюхельбекер отличался широкой веротерпимостью и в конце жизни, в ссылке, посещал православную церковь, женившись на православной. Религиозные настроения Кюхельбекера после 14 декабря, видимо, прошли ту же эволюцию, что и у других декабристов: колебания между отчаянием и надеждой в период следствия, состояние глубокой душевной депрессии в первые годы заключения и возрождение к новой жизни, новое обретение себя и своей связи с миром. Кюхельбекеру помогло в этом его творчество.

Поэзия Кюхельбекера проникнута состоянием покинутости и отчаяния, но благодаря обострению религиозного чувства оно преображается в ощущение единения со всей вселенной. Бог – податель вдохновения – спасает узника от нравственной гибели. Душа человеческая как бы растворяется во вселенной, роднится с ней. Этот примиряющий и возвышающий мотив очень характерен для Кюхельбекера и возникает в религиозном оформлении.

В настоящей работе нами рассмотрена романтическая поэма Вильгельма Кюхельбекера, в основе сюжета которой лежат христианские предания. При соблюдении основных требований художественного метода романтизма, русский романтик, знакомый с православной культурой, привнес в этот метод новые особенности. Традиционная система ценностей романтизма у сосланного в Сибирь декабриста обогащается рядом религиозных ценностей. «В центре всех рассматриваемых произведений стоит проблема встречи человека

с истинным Богом и ее последствия. Если согласимся, что Агасфер Кюхельбекера, Губера и Жуковского, а также благоразумный разбойник Глинки – это обобщенные образы человека вообще, то из этого следует, что русские поэты показывают (каждый по-своему, разумеется) правду о встрече человека с Богом» [1, 46].

Обычный для романтизма лиризм возвышается до характерной вообще для русской литературы интимной исповедальности в христианском духе. Наличие ряда обличительно-дидактических моментов свидетельствует об осознании поэтом-изгнанником своего служения как служения пророческого.

О том же говорит наличие в тексте «Агасвера» большого количества стихотворных цитат из Евангелия и других священных христианских текстов. «Христианская культура «как некоторый особый тип смысловой организации мира», ярче всего сформулированный в библейских и около библейских текстах, не была ни вычеркнута, ни кощунственно перелицована русскими романтиками. Наоборот, она была ими усвоена полностью, со всеми ее элементами, как ортодоксальными, так и апокрифическими, но не выходящими за рамки широко понимаемой христианской культуры» [1, 45].

Таким образом, обращение к христианской легенде продиктовано не только и не столько следованием традиции романтизма, поиском необычных мистических, «экзотических» сюжетов, сколько широкими возможностями этих сюжетов для передачи авторских воззрений на множество волнующих Кюхельбекера религиозных вопросов. «То, что многим современным исследователям кажется проявлением пессимизма, апофеоза страданий и упадка духа, измельчания поэтического дарования поэтов, переставших заниматься «злостью дня», было результатом глубоких раздумий, многолетних философских исканий, приведших к полному отречению от гордыни, от самонадеянности человека» [1, 46].

В заключении специально отметим, что русские романтические авторы принципиально отличались от европейских тем, что не имели за своими плечами многих лет секуляризации жизни, эпохи Возрождения, религиозных войн. Почти все наши романтики прошли через теплую тайну православного христианства. Это касается и лютеранина Вильгельма Кюхельбекера, воспитанного все же русской православной средой, который (как явствует из его поэзии сибирского периода) ощущал на себе нежную руку Небесного Отца, которая касается нас в таинствах Церкви, поэтому его душа тосковала без веры, и, облакаясь в наряды байроновских героев, в глубине стремилась к Богу, к Церкви.

Литература

1. Malek, E. Канонические и апокрифические «библейские сказания» в произведениях русских романтических писателей / E. Malek // *Jews and Slavs. Judeo-Slavic interaction in the modern period.* – Volume 4. – Jerusalem, 1995. – С.40–59.
2. Архипова, А. В. Религиозные мотивы в поэзии декабристов / А. В. Архипова // *Христианство и русская литература.* – СПб.: Наука, 1994. – С. 185–208.
3. Афанасьев В. Жуковский / В. Афанасьев. – М.: Молодая гвардия, 1987. – 400 с.
4. Виноцкий, И. Ю. Дом толкователя: Поэтическая семантика и историческое воображение В.А. Жуковского / И. Ю. Виноцкий. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 328 с.
5. Жирмунский, В. М. Байрон и Пушкин / В. М. Жирмунский. – Л.: Наука, 1978. – 425 с.
6. Кюхельбекер, В. К. Агасвер / В. К. Кюхельбекер. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kyuhelbeker.lit-info.ru/kyuhelbeker/stihi/agasver.htm>
7. Кюхельбекер, В. К. Агасвер / В. К. Кюхельбекер. – М.: Libra press, 2015. – 88 с.
8. Кюхельбекер, В. К. Путешествие. Дневник. Статьи / В. К. Кюхельбекер. – Л.: Наука, 1979. – 793 с.
9. Кюхельбекер, В. К. Избранные произведения: в 2 т. / В. К. Кюхельбекер. – Т. 2. – М.; Л.: Сов. писатель, 1967. – 664 с.
10. Семенко, И. Поэты пушкинской поры / И. Семенко. – М.: Худож. лит., 1970. – 295 с.

WILHELM KUCHELBECKER'S WORK OF THE SIBERIAN PERIOD:
INTERPRETATION OF THE WANDERING JEW IMAGE

E. V. Nikolsky

Abstract

The article analyzes the little-known poem by Wilhelm Kuchelbecker "Ahasver"; it is noted that for Kuchelbecker as a whole the approach to the popular perception of the world was characteristic of Christian and Orthodox worldview, which is very significant of the idea of humility and repentance. This was clearly manifested in his experiments on the creation of large problematic works rich in philosophical content. One can say that Kuchelbecker's work of 1830–1840-ies is imbued with religious life-world to some extent.

Keywords: romanticism, Apocrypha, philosophical poetry, biblical motives, the wandering Jew, intertextuality, motives of repentance, the image of Christ, theomachy

Поступила в редакцию 30.03.2018